

Всю дорогу Гун Чжо шел и непрерывно ворчал:

— Разве старейшины не говорили, что тайное царство Меча погребения — это гигантское кладбище клинков? И что мечи здесь могут находиться абсолютно в любом месте? То они на самом дне покоятся, то в землю зарыты, то на ветвях деревьев висят, а то и вовсе бесстыдно валяются прямо посреди дороги. Вот только я брожу здесь уже несколько дней, и почему до сих пор не встретил ни единого клинка?

Гун Чжо рассудил, что мечи со дна озера ему точно не подойдут, а те, что зарыты в землю, он всё равно не увидит. Поэтому он то и дело поглядывал то на верхушки деревьев, то под ноги, втайне надеясь на какую-нибудь случайную легкую наживу.

К сожалению, он шел уже очень долго, но так ничего и не нашел. Лишь добравшись до подножия одной из вулканических гор, он наконец заметил лежащий на земле веер из красного дерева.

Гун Чжо круглый год обожал расхаживать с бумажным веером в руках ради пушного шика, а красный цвет и вовсе являлся его самым любимым. Разумеется, завидев такую вещь, он просто не смог удержаться и подобрал ее.

Вот только стоило его пальцам коснуться этого совершенно гладкого на вид веера, как тот внезапно стал невероятно острым и до крови порезал Гун Чжо указательный палец.

Шикнув от боли, парень чисто рефлекторно попытался отбросить веер в сторону, но тот вдруг превратился в алую шелковую ленту и стремительно обернулся вокруг его руки от самого кончика пальца до запястья.

Ого?

Будучи мастером-оружейником, Гун Чжо всегда питал огромный профессиональный интерес к подобным артефактам, способным менять свою форму. Боль тут же как рукой сняло, и он с горящими глазами принялся всю разглядывать эту ленту.

— Ты в порядке? — Цзян Цинжо с некоторым беспокойством посмотрел на алую ленту, которая всё еще оставалась на пальце Гун Чжо и всю пила его кровь.

— Всё нормально, просто слегка порезался, это и за рану-то считать смешно.

Гун Чжо хоть и побаивался боли, но его страсть к необычным артефактам перевешивала любые мелкие неудобства.

Юнь Фэймяо тоже с любопытством уставился на алую ленту:

— Мне кажется, этот артефакт сейчас признает хозяина. Но разве в тайном царстве Меча погребения может находиться оружие, не являющееся мечом?

Алая лента словно услышала слова Юнь Фэймяо. Насытившись кровью, она внезапно обратилась в огненно-красный меч, и его рукоять сама покорно вложилась в ладонь Гун Чжо.

Сам же Гун Чжо замер, абсолютно потрясенный неопишуемой красотой этого оружия. Да это же буквально меч его мечты!

Мало того что клинок целиком пламенел ярким багрянцем, напоминая отборную огненную

яшму, так еще и его рукоять была искусно вырезана в виде живого, готового взлететь феникса.

В тот самый миг, когда пальцы Гун Чжо сомкнулись на рукояти, все четверо услышали чистый и звонкий крик феникса, а следом на самом клинке проступили два сияющих золотом иероглифа — Фэнхуан.

Не успели они прийти в себя от осознания того, что перед ними оказался легендарный духовный меч Фэнхуан, как золотое свечение сменилось багровыми всполохами. Багровый свет сменился оранжевым, оранжевый — желтым, затем полыхнул зеленый, лазурный...

Юнь Фэймяо, Се Ян и Цзян Цинжо смотрели на это буйство красок до тех пор, пока их первоначальный восторг не сменился полнейшим онемением. И только Гун Чжо без умолку сыпал восхищенными возгласами, не в силах выпустить меч Фэнхуан из рук.

Юнь Фэймяо при виде этого весело хмыкнул:

— Похоже, брат Гун действительно без ума от меча Фэнхуан.

Се Ян согласно кивнул:

— Он вечно западает на всё самое аляповатое и кричащее.

Цзян Цинжо не согласился:

— Аляповатым называют то, что красиво снаружи, но бесполезно внутри, а ведь меч Фэнхуан занимает третью строчку в реестре духовных мечей. Брат Гун просто ценит истинную красоту, а стремление к прекрасному заложено в самой природе человека, это совершенно естественно.

— Вот сразу видно, что брат Цзян меня понимает! — Гун Чжо с превеликим удовольствием убрал меч, после чего демонстративно встал бок о бок с Цзян Цинжо и принялся тыкать пальцем в сторону Се Яна. — Не то что этот А-Ян: сам ведь тоже любит красивое, а на меня вечно ворчит.

— Шестой брат Се тоже любит красивое? — Юнь Фэймяо с искренним любопытством уставился на Се Яна. — А по нему и не скажешь.

В его памяти Се Ян всегда предстал облаченным в максимально простые белые одежды боевого кроя, его прежний меч тоже отличался предельно лаконичным стилем, и даже созданные им формации всегда были простыми и функциональными — ни убавить, ни прибавить.

По нему вообще невозможно было догадаться, что он равнодушен к эстетике!

Зато Гун Чжо являл собой полную противоположность: каждый созданный им артефакт был невероятно изящным и нарядным, он ухитрялся даже на тонких рыболовных удочках вырезать узоры в виде резвящихся среди лотосов рыбок.

Что же касается его собственного внешнего вида, то здесь он отличался особой придирчивостью. Его стиль тяготел к утонченной роскоши, и пускай из-за вечной нехватки денег эта роскошь порой была иллюзорной, но эстетическое великолепие всегда оставалось неоспоримым фактом.

Любому человеку хватало пары дней общения с ним, чтобы понять: этот парень спускает

половину своего состояния исключительно на создание собственного образа.

Так что Гун Чжо действительно был заядлым ценителем красоты!

Цзян Цинжо полагал, что в этой страсти Гун Чжо нет ничего дурного, но вот заявление о том, что Се Ян тоже падок на красивое, показалось ему верхом криводушия.

Поэтому он легонько толкнул Гун Чжо локтем в бок и негромко спросил:

— Ты ведь сейчас просто шутишь, верно?

Гун Чжо во весь голос выдал:

— А-Ян, может, и равнодушен к красивым вещам, но он абсолютно точно падок на красивых людей! А-Ян, рискнешь заявить, что это не так?

Се Ян заявить подобного не рискнул. С мрачным лицом он просто запихнул в рот Гун Чжо сочный красный духовный плод, оборвав его тираду на полуслове.

Гун Чжо в два счета сжевал фрукт и продолжил голосить:

— Вот смотрите, он промолчал, значит, совести нет, с поличным попался!

— Даже еда не способна закрыть твой рот, — Се Ян без тени сомнения запихнул в рот Гун Чжо еще один точно такой же красный плод.

Разглядев, что это за фрукт, Цзян Цинжо уже было потянул руку, чтобы перехватить его, но Гун Чжо оказался куда шустрее: он уже успел всю захрустеть и проглотил добрую половину.

Поняв, что спасти положение поздно, Цзян Цинжо просто махнул рукой, позволяя Гун Чжо доесть оставшуюся часть.

Теперь-то он окончательно убедился: этот брат Гун на первый взгляд кажется роковым демоническим красавцем, но по сути своей является обыкновенным самовлюбленным обжорой!

Пускай после поедания этого беззвучного плода человек на три дня полностью лишился дара речи, но вкус и текстура у него были просто отменными, так что Гун Чжо этот деликатес явно пришелся по душе.

Гун Чжо действительно нашел фрукт очень вкусным. Расправившись с ним, он уже вознамерился вытребовать у Се Яна еще один, как вдруг осознал, что из его горла не доносится вообще ни звука.

Он вытаращил глаза и уставился на Се Яна взглядом, полным глубочайшей обиды и немого укора.

Стоявший рядом Цзян Цинжо поспешил его утешить:

— Брат Гун, не пугайся. Судя по всему, этот беззвучный плод был трехлетнего созревания, так что его эффект продлится всего три дня. Через три дня ты снова сможешь говорить.

Три дня?!

Гун Чжо пребывал в затаенном шоке. Для такого человека, как он, у которого рот вообще никогда не закрывался, три дня вынужденного молчания были сродни жесточайшей пытке, ясно вам?

Видя его страдания, Цзян Цинжо проникся сочувствием и протянул ему мешочек с духовными семечками:

— Раз уж говорить не получается, займись пока щелканьем семечек. Это семена лазурного подсолнуха, они отлично очищают меридианы и выводят из организма токсины, так что от них у тебя точно прыщи не полезут, сколько бы ни съел.

При этих словах глаза Гун Чжо мгновенно зажглись. Семечки выглядели невероятно дорогими, а он больше всего на свете обожал дорогие вещи.

Он тут же выгреб из своих запасов целую горсть первоклассных артефактов, всучил их в руки Цзян Цинжо и с превеликим удовольствием принялся лузгать семечки, больше ни разу даже не взглянув в сторону Се Яна.

Цзян Цинжо без лишних церемоний принял все подношения — пригодятся они в деле или нет, значения не имело, главное ведь соблюсти вежливый взаимообмен подарками.

Он находил Гун Чжо весьма занятным малым: несмотря на юный возраст, тот уже полностью сформировался внешне, напоминая видного, вальяжного молодого человека, в чьей зрелости и опытности проглядывали нотки легкого легкомыслия — типичный образ записного соблазнителя и обманщика.

Вот только характер у него оставался совершенно детским: он был жутким сластолюбом и любителем поболтать, из-за чего казался легкой добычей для любого мошенника.

Се Ян тоже полагал, что Гун Чжо наивен до неприличия. Глядя на то, как тот уплетает чужие семечки и послушно топают следом за малознакомым парнем, Се Ян почувствовал, как у него от напряжения задергалась жилка на лбу. Ему казалось, что этого дуралея очень скоро окончательно приберет к рукам этот тип из Восточной провинции.

Он уже порывался оттащить приятеля назад, но вовремя вспомнил о давней мечте Гун Чжо найти себе теплое местечко и жить за чужой счет, после чего решил пустить всё на самотек.

Ладно, пускай. Клан Цзян из долины Шэньнуна был точно так же сказочно богат, как и клан Юнь с Запада. К тому же сам Цзян Цинжо обладал прекрасной внешностью, хорошим характером и явно сошелся с Гун Чжо интересами. Кто знает, быть может, этот парень и есть тот самый долгосрочный бесплатный проездной, предначертанный Гун Чжо самой судьбой?

<http://bllate.org/book/17668/1657931>